

Святослав БЭЛЗА:

«НЕ ВСЕ ХВАТАЮТСЯ ЗА ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ПРИ СЛОВЕ «КУЛЬТУРА»

Тонкий литературовед, обаятельный телеведущий, импозантный мужчина, да еще и заслуженный деятель искусств России — это Святослав Бэлза. Сегодня с ним беседует наш корреспондент

— Святослав Игоревич, похоже, вы родились под счастливой звездой...

— Да, я благодарен судьбе прежде всего за то, что она с рождения погрузила меня в среду интересных и выдающихся людей (и продолжает это делать). Мой папа — композитор, литературовед, историк культуры — был человеком энциклопедических знаний. Его друзья в шутку расшифровывали нашу фамилию так: Большая Энциклопедия Лишних Знаний Автора. Он увлекался многим — медициной, астрономией, психоанализом, историей Древнего Египта, свободно владел несколькими языками, и, как понимаете, мне было чему у него поучиться.

Мама, повстречав Игоря Федоровича Бэлзу, тогда уже профессора Киевской консерватории, самоотверженно ему помогала во всем и так увлеклась музыковедением, что начала писать о музыке сама (врач по первой профессии), вступила в Союз композиторов, издала книги о Дворжаке, Сметане, Глиэре, Мясковском. Кстати, двое последних были в числе друзей нашей семьи, как и В.Шебалин, Ю.Шапорин, А.Хачатурян и другие. У многих из них мне довелось мальчишкой сживать на коленах, но в силу нежного возраста и непонимания, я не испытывал тогда никакого трепета перед ними. Это пришло потом.

Как у Максима Горького были свои университеты, так я незаметно проходил курсы домашней консерватории, меня водили в концерты, театры, на уроки к прекрасному педагогу В.Н.Листойвой, но, возможно, «перекормили». И в форме отроческого протеста в выпускном классе английской спецшколы я выбрал путь литературный, решительно поступив в МГУ на филологический факультет, по окончании которого с 1965 года и по сей день состою на беспорочной службе в Институте мировой литературы Академии наук.

— «Сбежав» от музыки, вы так или иначе остались с ней. Творчество каких композиторов у вас вызывает наибольший интерес?

— Свои симпатии я вынес опять же из родительского дома. Любить Чайковского равно как любить Пушкина. Это само собой разумеется. А ближе всего мне, пожалуй, Моцарт, Шопен, Скрябин. Недавно набрался смелости и сотворил предисловие к книге о Бетховене. Сейчас в нашем институте готовится уникальное шекспировское собрание сочинений, в котором все разделы «Шекспир и музыка» мой руководитель академик Н.И.Балашов поручил писать мне.

— Институт не ревнует вас к телевидению и другим видам вашей кипучей деятельности?

— Нет, наоборот, довольно благосклонно относится. Привык, наверное, за 30 лет. Ведь известность мне принесли еще в 60-х годах мои регулярные публикации в газете «Неделя», а усы и бабочка в телепередаче «Музыка в эфире» — это уже вторая волна узнаваемости. Я настойчиво отказываюсь называться музыковедом, хотя многие продолжают так обо мне думать. Просто я пытаюсь вернуть зрителям и читателям хоть частичку того, что впитал сам. Я — просветитель, популяризатор, любитель музыки, но в первую очередь литературовед по профессии. Магия телевидения в том и заключается, что может навязать свои представления о человеке, но это не всегда соответствует истине.

— Однако вы не станете отрицать того, что многие воспринимают вас эдаким денди. Насколько это близко к истине?

— Ну некоторый внутренний дендизм, быть может, передался мне от Оскара Уайльда, творчеством которого я много занимался. В детстве меня часто брали в свет, где я научился чинно сидеть, не зевать и не засыпать...

— Сдается мне, что при этом вы все равно лихо проказничали?

— Безусловно, нельзя сказать, что я был легким ребенком и панинкой, но воспитание мое тем и замечательно оказалось, что мне больше объясняли, нежели запрещали. Даже когда я в 16 лет надумал жениться, мне и этого не за-

претили, но мягко растолковали, что сейчас придется подождать, а что будет потом — посмотрим...

— Результатом этого «потом» является сегодня ваш 25-летний старший сын Игорь?

— Нет, что вы. В тот раз мне вскоре расхотелось создавать семью. Мой первенец родился много позже. Сейчас даже моему младшему сыну Федору уже 15 лет. Так что я, можно сказать, «старый молодой человек».

— Опять магия телевидения? Кстати, что происходит по ту сторону экрана? Складывается впечатление, будто кто-то решил за всех нас, зрителей, что настоящая музыка проживет и без эфира...

— Я очень опечален нынешним бытованием музыки на нашем ТВ и, в частности, на ОРТ, хотя понимаю, что во всем мире попса, рок — это бизнес. Говорить об этом не хотелось бы. Скажу лишь, что в заправилах теле- и шоу-бизнеса у нас вышло немало людей, которые при слове «культура» хватаются если не за пистолет, то за толковый словарь. И вы догадываетесь, кто эти люди. Теперь уже даже не сатана, а мелкие бесы там «правят бал», не желая признавать, что, как заметил однажды Ницше, «без музыки жизнь была бы ошибкой». Россия — страна высокой духовности, но я не очень люблю это выражение.

— Почему не любите?

— Потому, что оно стало звучать банально, его затаскали, оно — как затертая монета. А Россия в самом деле мощный духовный донор человечества, и в ней не работают многие из рекомендаций, предлагаемых различными западными советчиками. В том числе и наше телевидение не может целиком строиться по западному образцу. В своих поездках по стране я убедился в том, что настоящая, академическая музыка нужна гораздо большему числу людей, чем представляют себе иные командиры эфира.

— Вот и боритесь. Или вы человек конъюнктурный?

— Нет, я достаточно принципиальный. Конечно, в силу зодиакаль-

ного знака (Телец) я очень спокойный, но, как говорится, «только не надо...» Если меня довести, то в ярости (при всем умении властвовать собой) я, как бык, пойду напролом и дрогнут самонадеянные мальчишки-матадоры.

— Ничего себе, «душка» Бэлза. Как человек истинной культуры вы должны быть «над схваткой». И все-таки с кем вы?

— Недавно, отвечая точно на такой же вопрос, мой друг, профессор, а по совместительству заместитель министра культуры Михаил Швыдкой сказал: «С культурой!» Так вот я в этом с ним полностью солидарен. И при всей кажущейся суетности моей жизни я стараюсь поменьше давать «пене дней» себя захлестывать.

— А уехать никогда не хотелось?

— Нет, никогда. Я славянский интернационалист; в моих жилах соединилась кровь русская, польская и украинская. Мои корни здесь не только родовые, а и культурные. Папа, хотя и родился в Польше, всегда считал себя человеком русской культуры. Наряду с почтением к нашей родословной мне с детства внушалась и степень ответственности, которую я несу за свой древний род и известных предков.

— Святослав Игоревич, быть культурным человеком — это ведь непрерывная работа над собой, когда вы все успеваете?

— Меня всегда окружали тысячи книг. И я довольно рано научился разбираться в них, много и быстро читать, все впитывать. Позволяя себе некоторое сибаритство, я не допускаю лености души. К тому же по восточному календарю я — Лошадь, а значит, мне и предопределено неустанно трудиться.

— А от своей популярности?

— Те, кто говорит, что устал от славы, конечно, лукавят. Великолпно об этом сказал мой любимый О.Уайльд: «Хуже того, когда о вас много говорят, есть только одно — когда о вас не говорят вовсе».

**Беседу вела
Татьяна КУПЕРТ.**